

Нежные поглаживания в сочетании с чарующим голосом свели Пэй Мяо с ума. Особенно когда ладонь Гу Цияня коснулась косточки у основания хвоста — всё его тело пронзила приятная дрожь, он едва не растаял в блаженной истоме, так и подмывая поднять хвост и подставить спину для новых ласк.

Гу Циянь, наверное, использовал читы! Слишком уж искусно он это делал!

Пэй Мяо, мурлыча, уткнулся в грудь Гу Цияня. Вся досада от лекарства и обмана с щелью испарилась, уступив место чистому инстинкту — он без остатка отдался наслаждению.

— Приятно?

— Мяу...

— Хочешь ещё?

— Мяу...

Пэй Мяо, прищурившись, потёрся о Гу Цияня, с трудом перевернулся на спину и выставил пушистое брюшко. Лапки безвольно раскинулись, а глаза смотрели на него влажно и умоляюще, сопровождая взгляд нежным:

— Мяу...

Намерение было яснее некуда: живот тоже требовал внимания.

Кошачий живот был мягким, покрытым нежной белой шёрсткой, так и манившей прикоснуться.

Гу Циянь не был святым, а как истинный почитатель кошек Великой Юй просто не мог устоять перед таким соблазном.

Он с трудом сдерживал внутренний трепет, ледяная маска на лице давно растаяла. Разжав и снова сжав кулаки, он медленно поднял руку и наконец коснулся ладонью вожделенного животика.

В тот же миг в сознании вспыхнули и слились воедино слова: «мягкий», «тёплый», «пушистый» — выкристаллизовавшись в одно-единственное: «Блаженство!»

Внутри Гу Циянь ликовал, но внешне сохранял полное спокойствие. Движения его руки оставались размеренными и уверенными: он поглаживал кошачий живот кругами, то вверх, то вниз, с истинным мастерством.

Пэй Мяо парил в облаках, горло его урчало, он даже раздвинул задние лапки, не испытывая ни малейшего стыда от того, что его живот трогает другой мужчина.

Оказывается, когда кошке гладят живот — это невероятно приятно. Просто чудесно!

Как говорится, один сеанс поглаживаний стоит ста дней доброты. С того дня отношения Пэй Мяо и Гу Цияня резко потеплели, и прогресс их можно было описать лишь как «тысяча ли в один день».

Все в Императорском дворце это тонко ощущали.

Например, Государственный Наставник сладко мяукал при виде второго принца. Например, куда бы второй принц ни пошёл, Государственный Наставник следовал за ним по пятам. Например, Государственный Наставник никому не позволял вытирать себе попу — только второму принцу.

Император Цинлун в Дворце Цяньцин пребывал в лёгкой тревоге и в раздумьях спросил евнуха Фу:

— Как ты думаешь, почему Государственный Наставник вдруг так сблизился с Янем? Раньше ограничивались подарками да ночными визитами, а теперь почти не разлучаются. Что же произошло?

Евнух Фу не смел строить догадок и ответил почтительно:

— Ваш слуга слышал, что второй принц напоил Государственного Наставника лекарством, тот в обиде забился в щель, а потом второй принц хитростью выманил его оттуда. Они долго оставались в покоях наедине, и с тех пор отношения их стали тёплыми.

Император крайне удивился:

— Но что же они там делали? По логике, раз Янь влил в него лекарство, Государственный Наставник должен был рассердиться.

Лицо евнуха Фу сморщилось, словно горькая дыня.

— Ваш слуга не ведает. Возможно, Государственный Наставник любит, когда его сначала мучают, а потом балуют. — Проще говоря, у него склонности к мазохизму.

Спустя много лет вся Великая Юй так и не узнала, что же именно случилось в Чертоге Юннин, что так сблизило Государственного Наставника и второго принца. А правда была проста: «Государственному Наставнику понравилось, как его гладили».

С того памятного дня Пэй Мяо подсел на ласки. Он то и дело вспоминал, как Гу Циянь трогал основание его хвоста, — и по спине пробегали мурашки, тело само собой выгибалось, хвост поднимался.

Проклятые кошачьи инстинкты! Теперь всякий раз при виде Гу Цияня ему хотелось ткнуться головой в его ладонь, повалиться на спину и подставить живот. Всякая скромность улетучилась.

Пэй Мяо пытался сдерживаться несколько дней, но тщетно. После долгих внутренних дебатов он решил последовать зову сердца, отпустить себя и отыскать свою кошачью весну.

Послеполуденное солнце щедро лило свет. В Чертоге Линьхуа Дворца Чансинь из курительницы струился лёгкий холодный аромат.

Окно у стола было распахнуто настежь, за ним виднелись заросли зелёного бамбука и пара деревьев с лиловыми цветами. Лёгкий ветерок вносил в покои прохладу и запах трав.

Гу Циянь, держа кисть, выводил на бумаге тонкие, изящные линии — они расходились, словно лепестки.

Сяо Доуцзы рядом растирал тушь, время от времени поглядывая на рисунок, а глаза его от

удовольствия превращались в узкие щёлочки.

— Поменяй кисть, — Гу Циянь протянул Сяо Доуцзы исчерпавшую себя кисть и выбрал новую с подставки. Окунул её в воду, стряхнул излишки и коснулся яшмово-зелёной краски.

Едва он собрался положить мазок, как почувствовал лёгкий тычок в бок — достаточно ощутимый, чтобы отвлечь.

Даже не оборачиваясь, Гу Циянь знал, кто это.

Он удержал кисть, продолжил вести линию, на губах дрогнула улыбка.

— Подожди немного, — сказал он, не оборачиваясь. — Закончу рисунок — и поиграем с тобой.

Тычки прекратились. Гу Циянь продолжил работу.

Когда несколько стеблей бамбука были готовы, его снова ткнули — на этот раз дважды, и чуть выше, почти в спину.

Улыбка Гу Цияня стала шире, но он снова не обернулся, лишь сменил кисть.

— Не торопись, ещё чуть-чуть, — произнёс он.

На какое-то время снова наступила тишина.

Минуты через две его одежду дёрнули в третий раз, и на этот раз действие сопровождалось недовольным «мяу» — таким жалобным и сладким, что Сяо Доуцзы едва не сломал брусок туши.

Гу Циянь не успел его успокоить, как почувствовал, что одежду тянут вниз. Затем на плечи легли две лапы, а правое ухо коснулось чего-то пушистого.

Видимо, его неоднократные отговорки вывели Государственного Наставника из себя, и тот, презрев всякие церемонии, вскарабкался ему на спину, упёрся лапами в плечи и выразил протест.

С точки зрения Гу Цияня, он видел лишь две белые мохнатые лапки, выглядывающие у него за плечом, — невероятно милые. А тёплое дыхание, щекочущее ухо, заставляло сердце таять.

Вскоре Государственному Наставнику наскучило сидеть на плечах. Он спрыгнул на пол с лёгким стуком, оценил высоту стола, оттолкнулся задними лапами — и в следующее мгновение уже сидел на столешнице.

Сяо Доуцзы, прикрыв рот рукой, ахнул:

— Ваше Высочество, взгляните-ка! Государственный Наставник какой ловкий! Прямо с пола на стол в один прыжок! Просто чудо!

Пэй Мяо, не смущаясь, принял восторги поклонника. Хвост его гордо взметнулся, словно знамя, и он, вышагивая изящной кошачьей походкой, направился к Гу Цияню. Под его нежным взглядом он без колебаний растянулся на чистом участке бумаги, вытянув передние лапы так, чтобы они перекрывали место, куда Гу Циянь собирался положить следующий мазок.

Месть была очевидной, и Сяо Доуцзы даже не пытался оправдать своего кумира. Стол и

вправду был невелик: бумага, кисти, тушечница и прочая утварь оставляли мало места. Но для четырёхмесячного котёнка свободного угла хватало. Однако Государственный Наставник пренебрёг всеми прочими местами и лёг именно на рисунок.

Да и поза была выбрана нарочито вызывающая. Он лежал на боку, растянувшись в форме иероглифа «восемь», выставив напоказ мягкий живот, который плавно вздымался и опадал в такт дыханию. Хвост лениво покачивался, а голубые глаза смотрели на них с вызовом и полной самоуверенностью.

Гу Циянь не мог не рассмеяться. Он отложил кисть и принялся дразнить котёнка. Под рукой не было игрушки, поэтому он просто оттянул шнурок на своём халате и принялся водить им перед мордочкой Пэй Мяо.

Халат на нём был светло-голубой, простого покроя, а шнурок, расшитый серебряными нитями в затейливый узор, поблёскивал при каждом движении.

<http://bllate.org/book/16288/1467795>